

УДК 008

DOI 10.34670/AR.2019.45.5.018

Празднично-обрядовые традиции мордвы в контексте региональной культуры Южного Урала

Сафонова Наталья Александровна

Кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры этнокультурного образования,
Челябинский государственный институт культуры,
454091, Российская Федерация, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а;
e-mail: natulya_natalka@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам изучения сложного феномена празднично-обрядовых традиций мордвы, рассматривающихся в контексте региональной культуры Южного Урала. В современных условиях празднично-обрядовые традиции становятся связующим звеном между историческим прошлым и реалиями современной жизни, способствуют сохранению этнокультурной идентичности. Специфика региональной культуры Южного Урала складывалась под влиянием традиций разных народов. Региональные и локальные особенности бытования празднично-обрядовых традиций Южного Урала выступают производными от исторически выработанной общерусской празднично-обрядовой структуры, выступающей всеобщей культурной универсалией. Различные формы почитания, обожествления стихий природы и поклонения духам предков прослеживаются в обрядах годового календарного и семейно-бытового циклов мордвы, в которых тесно переплелись церковные знания и языческие представления, отголоски которых сохранились и до наших дней.

Для цитирования в научных исследованиях

Сафонова Н.А. Празднично-обрядовые традиции мордвы в контексте региональной культуры Южного Урала // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 5А. С. 133-142. DOI 10.34670/AR.2019.45.5.018

Ключевые слова

Празднично-обрядовые традиции, региональная культура, Южный Урал, традиция, обряд, мордва, культ.

Введение

Праздники и обряды занимают важное место в структуре традиционных ценностей, концентрируют в себе фундаментальные основы этнической культуры. В культурологической мысли празднично-обрядовые традиции выступают регулятивно-коммуникативными механизмами социальной организации, обладают огромным ценностно-смысловым потенциалом, влияют на процессы межкультурной коммуникации, а также на формирование и развитие культурно-исторической и духовно-нравственной ориентации общества.

В современных условиях празднично-обрядовые традиции становятся связующим звеном между историческим прошлым и реалиями современной жизни, способствуют сохранению этнокультурной идентичности. Происходящие глобализационные процессы влекут за собой стирание культурных различий. В этой непростой ситуации заложенные в традиционных праздниках и обрядах «культурные коды», ключевые ценностные установки способны регулировать процессы этнокультурной идентичности.

Празднично-обрядовые традиции характеризуют региональную культуру и являются ее важным структурным компонентом. Региональная культура выступает главным фактором происходящих в обществе изменений, стратегическим ресурсом жизнеспособности региона, оказывает значительное воздействие на социальную жизнь, формируя и определяя многие общественные процессы. Согласно авторской концепции И.Я. Мурзиной, «региональная культура является вариантом национальной культуры, становится способом жизни людей, живущих в конкретной территории, продуцирует определенную систему ценностей, создающей условия для самоидентификации людей и являющейся формой самосознания региона» [Мурзина, 2003, www]. По мнению О.Б. Фоминых, региональная культура «приобретая определенную специфику, сохраняет неразрывное единство с общенациональной культурой, локально трансформируя ее содержание» [Фоминых, 2010, www]. Исходя из этого, представляется ее видение как сложного историко-культурного феномена, конгломерата исконных и заимствованных явлений, формирующихся под воздействием множества разнообразных факторов: историко-культурных, географических, социально-экономических и т. д.

Специфика региональной культуры Южного Урала складывалась под влиянием традиций разных народов, что сформировало ее «гибридный» характер [Казакова, 2008, 73], и далее «традиционная великорусская культура в условиях региона претерпела изменения как внутренних, так и внешних процессов этнической аккультурации» [Там же, 74]. В процессе адаптации к непростым социально-экономическим и природно-климатическим условиям у переселенцев на территории Южного Урала сформировались основы самобытной духовной и материальной культур. Системообразующую роль в становлении региональной культуры Южного Урала обеспечили следующие факторы: месторасположение региона, его природно-климатические условия, особенности заселения края, связанные с промышленным освоением региона, влияние «горнозаводского крестьянства» промышленных районов [Там же, 73-74], а также казачьей субкультуры и культурных традиций народов финно-угорской и тюркоязычной групп, населяющих исследуемую территорию.

Культуру в целом можно оценивать и сравнивать по элементам культуры, по проявлению культурных универсалий. В этнических образованиях этого края нашли отражения культурные универсалии, представленные в многообразии конкретных вариантов общенациональной

культуры. Региональные и локальные особенности бытования празднично-обрядовых традиций Южного Урала являются производными от исторически выработанной общерусской празднично-обрядовой структуры, выступающей всеобщей культурной универсалией.

К вопросу изучения празднично-обрядовых традиций мордвы Южного Урала

Несмотря на суровые климатические условия, территория Южного Урала издавна привлекала наших предков своими достопримечательностями. И это неслучайно: отдаленность территории Южного Урала от российского центра, обширные густые лесные массивы, область лесостепных ландшафтов, труднодоступные горы, наличие богатых ископаемых, малая хозяйственно-культурная освоенность региона представлялись удобными для заселения новопоселенцев.

В 1930-е гг. в рамках хозяйственного освоения региона началась новая волна переселения населения на Урал из разных республик Советского Союза, в том числе из Мордовской АССР. Мордовский народ является крупнейшим народом финно-угорской языковой семьи, этнически неоднороден и состоит из двух групп: мокша и эрзя. «По переписи населения 1926 г. численность мордвы в Уральской области составляла 5985 человек; в 1937 г. в Челябинской области мордвы проживало 17 557 человек, а к 2010 г. уже 12 147 человек» [Никонова и др., 2012, 48]. Подавляющее большинство современного мордовского населения Челябинской области проживает в этнически смешанных поселениях Троицкого, Варненского, Нагайбакского, Верхнеуральского, Чесменского и иных районов.

В 1928 г. из Мордовии Темниковского района на территорию Чесменского района Челябинской области (пос. Ключи)¹ начали переезжать первые мордовские семьи. Приглянувшееся им место было окружено лесами и земельными просторами. Сам поселок был назван в честь ключа с холодной и чистой водой, который служил источником небольшого водоема, находившегося на выбранном месте. Позднее этот поселок в связи с укрупнением населенных пунктов прекратил свое существование и был перенесен на новое место, в современный поселок Беловка², расположенный в 13 километрах юго-западнее районного центра пос. Чесменский на реке Сухой Лог.

Исторически так сложилось, что местом проживания мордвы чаще всего была лесная зона. Это наложило отпечаток на формирование древних верований и представлений. Хозяйственная и трудовая жизнь мордвы (народ земледельческий) зачастую была связана с лесом. В мифологическом представлении мордвы покровительницей леса была Вириява (Вирь-ава – мордовское божество в женской ипостаси (вирь – лес; ава – женщина, мать), которой поклонялись и особо почитали [Мокшин, 1998, 46-49]. Вириява (лесной дух, покровительница

¹ Бывший населенный пункт располагался в 9 км к юго-западу от пос. Чесменский. Основан в 1928 г. плановыми переселенцами как переселенческий участок № 28. В 1930-х гг. хутор именовался как Новотугунский. В нем проживало преимущественно мордовское население, отсюда неофициальное название поселка – Мордва. Современное название «Ключи» поселок получил в 1960 г. Топоним связан с родниками, впадавшими в речку Сухой Лог [Шалагин, www].

² Пос. Беловка был образован в 1915 г. как выселок Преображенский в составе пос. Чесменского Березинской станицы второго военного отдела Оренбургского казачьего войска (2 ВО ОКВ). Основателями Беловки были казаки поселка Беловский Уйской станицы 2 ВО ОКВ. Назван поселок по фамилии основателя Белова [Там же].

леса) являлась главным персонажем троицкого обряда весенне-летнего цикла мордвы, упоминание о котором сохранилось и по сей день.

Троица занимает главное место в цикле весенне-летних праздников мордовской культуры Южного Урала, она маркирует границы сезонов весна/лето. «Среди мордвы праздник стал проводиться после христианизации (примерно с XVIII в.) в смешанном и видоизмененном виде наряду с языческими праздниками» [Девяткина, 2006, 266]. Дата проведения Троицы зависит от сроков Пасхи (на пятидесятый день), поэтому в христианской традиции праздник называется Святой пятидесятницей или Сошествием Святого Духа. Собственно праздничными днями Троицы считались воскресенье, понедельник, вторник.

По воспоминаниям носителей, в пос. Беловка Чесменского района примерно до 1970-х гг. сохранялся обряд, связанный с почитанием лесного духа Вирявы, проводимый на Троицу. Одного из местных жителей наряжали лесным духом (хозяином), обвешивая его березовыми ветками с головы до ног. Участники обряда, молодежь с лесным духом, ходили по деревне, заходили в каждый дом и желали всех благ: здоровья, приплода скотины и т. д. Хозяина леса и участников обряда угощали, после чего вся процессия переходила в другой дом. *«Ломали березку, ветки и наряжали лесного духа (лесного хозяина) – Вирява. Кто одевался, не помню. Все было завешено ветками до пола. С компанией молодых людей шли по всей деревне. Заходили толпой, желали всего, чтобы скотина водилась, чтоб здоровые были. Лесной дух заходил, благословит хозяев, дом, ему накрывали стол. Попируют и пошли дальше»³.*

Данный обряд относится к обрядам проводов Весны, во время которых совершались обходы дворов, имеющие широкое распространение в цикле календарной обрядности мордвы. В исследованиях по традиционной культуре мордвы описаны различные варианты обряда проводов Весны, где главного персонажа изображают ряженые люди, в чьих костюмах присутствует зелень, ветки, трава и т. д. [Бояркина, 2011; Корнишина, 2004, 398-400]. Ряжение и хождение по деревне на Троицу образуют общий акциональный ряд разных региональных, в том числе южноуральских, мордовских традиций, имеющих локальные разновидности.

Троицкий обрядовый комплекс мордвы Южного Урала включает различные ритуальные действия: украшение храмов, домов, хозяйственных построек, колодцев травой, цветами, ветками берез; завивание (заламывание) березки и венков; поминовение предков; кумление; гадания; ритуальная трапеза; ритуальные гуляния семейных людей и молодежи; обрядовые игрища; кулачные бои.

В XIX в. еще сохранялось исполнение обрядовых троицких песен, но уже к началу XX в. их заменяют частушки. Несмотря на практически повсеместную утрату магических, ритуальных действий троицкого обряда, сегодня все же сохраняются локальные очаги проведения традиционных обрядовых действий. Так, в мордовском селе Садовка Стерлитамакского района Республики Башкортостан и по сей день на Троицу, под исполнение специальной обрядовой песни, проводится обряд «вождение березки» по селу с ее последующим топлением. По мнению носителей, участников эрзянского ансамбля «Вастома», свято сберегающих традиции своих предков мордвы-эрзя, исполнение календарных обрядовых песен строго регламентировалось, им отводилось специальное время и место. Так и на исполнение троицкой обрядовой песни, бытующей и по сей день в их селе, вне контекста обряда налагается строгий запрет, чтобы не привлечь гнев божеств, духов-покровителей, почитаемых мордовским народом. По мнению исследователей, обряды «вождение березки», «проводы русалки», «вождение коня» и т. д.

³ Личный архив автора (материалы фольклорно-этнографических экспедиций).

семантически олицетворяют «проводы весны» и относятся к завершающим обрядам весеннего календарного цикла [Агапкина, 2002; Соколова, 1979].

Значительная часть троицкой обрядности связана с культом растительности. На Троицу украшали зеленью дома и дворы, снаружи и внутри. Основным растительным материалом на Троицу были ветви берез. *«На Троицу везде вешали березовые веточки (если была церковь, веточки освещали)»*⁴. Почитание деревьев (определенных пород: береза, дуб и т. д.) и даже целых рощ является одним из главных компонентов в мифологической системе мордовской культуры, исторически связанной с хозяйственной деятельностью и природно-климатическими условиями проживания народа. Первой зелени, распускающимся листьям деревьев приписывали целебную, чудодейственную силу. Береза являлась символом плодородия, женского начала, оберегом от нечистой силы и была связана с культом предков. Эти представления нашли свое отражение и в мордовском фольклоре. Украшая молодыми зелеными ветками березы свои жилища и дворы, наши предки проектировали здоровье и благополучие в семье, богатый урожай, приплод домашней скотины и т. д. По мнению В.К. Соколовой, эти обрядовые действия могли иметь характер «апотропеической, предохранительной и, может быть, карпогонической магии, связанной с зеленым праздником – почитанием растительности» [Соколова, 1979, 190], т. е. действия носили здоровьесберегающий, обереговый и продуцирующий характер.

Языческие (архаические) истоки обрядов мордвы достаточно устойчивы. В них сохранились отголоски древних верований и после принятия христианства. В похоронно-поминальных обрядах мордвы прослеживается сочетание канонов православного христианства и дохристианских (языческих) представлений о загробной жизни: особое почитание умерших предков (культ предков), стремление их задобрить, умиловить.

Поминальные обряды мордвы были как семейными, так и общинными: дни общих поминаний умерших, так называемые родительские дни, которые справлялись всем селом. Под влиянием христианства общинные поминовения всех умерших родственников были приурочены к церковным праздникам весенне-летнего (Пасха, родительская суббота накануне Троицы и т. д.) и иногда осеннего календарных циклов. В Челябинской области общинные поминальные обряды были приурочены чаще всего к Троице либо к родительской субботе накануне Троицы, иногда к осенним праздникам. *«Родительская суббота троицкая – мордва все идут на кладбище. На могилки ходили в субботу (родительский день) и в воскресенье (на Троицу). В субботу считалось – кто старые. А в воскресенье – кто помоложе ходили, еду несут. Утром на кладбище ходили, а потом в лес на Троицу»*⁵ (Чесменский район, пос. Беловка).

Поминальными датами семейных поминок мордовских переселенцев являются 3-й, 9-й, 20-й, 40-й дни, также полгода и год после смерти. В пос. Беловка Чесменского района Челябинской области, где и по сей день проживает мордовское население (мордва-мокша), было зафиксировано описание очень древнего поминального обряда «Гужа», основным обрядовым действием которого являлось переодевание покойного. Обычно обряд совершали на годовщину после смерти, в родительскую субботу накануне Троицы, либо приурочивали к какому-либо осеннему празднику. *«Когда человек умрет, и на Троицу – год, либо осенью, на праздник какой,*

⁴ Там же.

⁵ Там же.

*просят сделать «Гужу»⁶. Обряд проводили по просьбе самого умершего, который еще при жизни просил провести ему «Гужу». Для обряда покупалась новая одежда для покойника: если женщина – платье, платок, нижнее белье, обувь, если мужчина – штаны, рубаша, обувь, нижнее белье, и обязательно покупали новый крестик. «Даже крестик ложили другой, потом тоже отдавали бабушке какой». По приходу на кладбище вся купленная одежда раскладывалась на могиле умершего. «Как покойник лежит, так и раскладывается»⁷. Все родные ходят вокруг могилы и оплакивают покойного, старые бабушки, знающие обряд, причитывают, читают молитвы. Здесь же, рядом с могилой, специально для «Гужи» «накрывается стол». Все начинают поминать умершего. «Причитание идет, потом садятся кружочком, поминуют и потом раздают одежду старым людям, одиноким, кто семьей не живет уже»⁸. К поминальной трапезе приносят мордовские блины (*начи*), пироги, мясо, яйца, мед, красное вино. «Сейчас не разрешают, а раньше вино красненькое пили и ели»⁹. По окончании трапезы всю одежду и крестик раздают старым людям и идут домой. «Старые бабушки помнили, как делать. Сейчас уж не делают»¹⁰.*

В основе поминальных обрядов мордвы заложен культ предков, который нашел свое отражение в проводимом в пос. Беловка (ранее пос. Ключи) Чесменского района приблизительно до 1970-х гг. обряде «Гужа». Главной целью проведения обряда «Гужа», как и в целом поминальной обрядности мордвы, являлось особое почитание умерших предков, удовлетворение всех их нужд через проведение определенных обрядовых действий («переодевание покойного» – в обряде «Гужа»; «кормление умерших предков», «мытье в бане» и т. д.). Боязнь прогневать умерших предков, почитание и наделение их сверхъестественной силой, вера в то, что умершие предки могут как навредить, так и помочь в сельскохозяйственной жизни (урожай, засуха и т. д.), подсказать в различных жизненных ситуациях (женитьба/замужество и т. д.), мотивировали родственников к тщательному соблюдению поминальных обрядов.

Отразившиеся в обряде «Гужа» представления мордвы о продолжении другой, загробной жизни умершего родственника, который нуждается в основных земных потребностях (пища, одежда и т. д.), являются результатом проведения основного обрядового действия – переодевания покойного. Необходимо отметить, что обрядовые действия с одеждой у финно-угорских народов (мордвы, марийцев) имели особое значение в похоронно-поминальной обрядности. К примеру, у марийцев Пермского края происходил целый комплекс сложных поэтапных обрядовых действий со «сменной одеждой» покойного: вынос одежды во двор на 7-й день поминок, вывешивание ее на наружной стороне хозяйственных построек (бани, хлева), потряхивание и передача предметов одежды умершего во время движения кругом под исполнение старинных марийских песен и т. д. [Черных, Голева, Щукина, 2013, 312-313]. Также в мордовской поминальной обрядности существовал «институт «заместителя» покойника, т. е. замещение покойного живым человеком, роль умершего родственника проигрывал специально назначенный человек, либо сама одежда (другие предметы) выступала в роли конкретного человека» [Антонов, 2010, www]. С помощью определенных обрядовых действий

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

(перевоплощение участника обряда в роль покойного, его переодевание, ведение с ним диалога и т. д.) происходило не только выполнение своего рода долга перед умершим покойником, но и налаживание связей с предками, наделение чувства уверенности участников обряда в дальнейшей их судьбе под покровительством духов рода.

Зародившиеся в первобытном обществе, мордовские традиционные народные праздники (озксы)¹¹ возникли из традиций общинных работ и имеют тесную связь с трудовой и хозяйственной деятельностью, прежде всего с земледелием. Общественные моления совершались в лесу у деревьев (береза, дуб и т. д.) либо за деревней у ручья или родника [Мокшин, 1998, 119].

Видимо, неслучайно пос. Ключи Чесменского района Челябинской области, основанный переселенцами мордвой-мокша, располагался именно у родника. По преданию местных жителей, родник¹² с целебной водой забил на 9-ю пятницу после Пасхи¹³, в котором была явлена икона Святой Параскевы Пятницы¹⁴. В народной культуре существует много легенд о явленных иконах Святой Параскевы, найденных на берегу ручья, у родников и даже на дне колодца [Чичеров, 1957, 57].

По предположению ученых, культом Параскевы Пятницы был вытеснен культ языческого божества Макоши [Рыбаков, 1997, 522-523]. Параскева Пятница, как и Макошь, была покровителем женского рукоделия: ткачества, прядения, семейного счастья; ей также молились о хорошем урожае и предотвращении засухи. Она была тесно связана «со священной земной влагой» [Там же, 522]. После принятия христианства функции Макоши перешли на Параскеву Пятницу. Источник в честь святой мученицы является местом паломничества и по сей день. Ежегодно на девятую пятницу после Пасхи жители окрестных сел Чесменского района совершают крестный ход к святому источнику Великому мученицы Параскевы Пятницы.

Сегодня, несмотря на утрату исконных архаичных знаний в области традиционной обрядовой культуры, нельзя сказать о полном забвении традиций. В современном культурном пространстве продолжается процесс сохранения и развития пусть даже в видоизмененном виде элементов празднично-обрядовых традиций, устоев культуры, заложенных нашими предками.

Заключение

В земледельческой обрядности мордвы нашли отражение различные формы почитания и обожествления стихий природы и поклонения духам предков, выступавших как податели плодородия. Все это прослеживается в обрядах годового календарного и семейно-бытового циклов, в которых тесно переплелись церковные знания и языческие представления, отголоски которых сохранились и до наших дней.

Многие обряды и ритуалы мордвы, имеющие языческие корни и отражающие представление об архаичных культах воды, огня и деревьев, продолжают сохраняться и

¹¹ Озкс (моление; от мокшанского озондомс, эрзянского озномс «молиться») – традиционный народный праздник мордвы. Озксы были общественными и семейными.

¹² Родник расположен в урочище Тугунская Дача (Тугунский бор), ему более 150 лет. По рассказам местных жителей, раньше у родника была старая часовенка.

¹³ День памяти святой мученицы Параскевы Пятницы.

¹⁴ Культ Параскевы Пятницы сложился еще в Древней Руси. В ее честь во многих уголках России и Украины возводились храмы и часовни. Чаще всего они располагались на распутье дорог или у воды, как правило, у ключей и колодцев, которые считались священными, а вода – целебной.

бытовать в современном культурном пространстве. Очистительная, целебная и продуцирующая функции воды широко представлены в обрядовых действиях с водой: купания на Крещение, набирании «святой воды», хранившейся до следующего праздника, культе водных источников, родников, колодцев и т. д. С культом огня связаны обрядовые костры, зажигаемые по большим праздникам (Рождество, Новый год, Масленица). *«Зиму провожали. У каждого дома горит костер, жгли костры. По всему поселку, прям светло. Жгли, когда темно, в потемках, молодежь через костры прыгали»*¹⁵. Объектом поклонения мордвы являются многие священные деревья (липа, дуб, береза), ветки деревьев, травы, обладающие чудесными целебными качествами, а также свойством оберега и повышения плодородия.

Таким образом, носители традиционной культуры этнолокальной группы финно-угорских народов – мордва-мокша, переселившиеся на Южный Урал, отчасти сохранили, но лишь в пассивной памяти, а в большей части утратили характерный комплекс представлений о празднично-обрядовых традициях календарного и семейно-бытового циклов. Детальное изучение мифологических представлений о праздниках и обрядах у славянских, финно-угорских и тюркских народов, населяющих Южный Урал, может стать основой для реконструкции обширного пласта архаичных верований, связанных с празднично-обрядовой культурой.

Библиография

1. Агапкина Т.А. Мифологические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. Антонов Ю.Г. Свадебный и похоронно-поминальный обряды мордвы как истоки национальной драматургии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svadebnyy-i-pohoronno-pominalnyy-obryady-mordvy-kak-istoki-natsionalnoy-dramaturgii>
3. Бояркина Л.Б. Мордовская музыкальная энциклопедия. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2011. 432 с.
4. Девяткина Т.П. Мифология мордвы. Саранск, 2006. 332 с.
5. Казакова Г.М. Основы региональной культуры. Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2008. 231 с.
6. Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 388-445.
7. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1998. 244 с.
8. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2003. URL: <http://diss.seluk.ru/av-kulturologiya/5106-1-fenomen-regionalnoy-kulturi-bitie-samosoznanie.php>
9. Никонова Л.И. и др. Мордва Урала и Зауралья. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2012. 464 с.
10. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997.
11. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 287 с.
12. Фоминых О.Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики // Время культуры в региональном пространстве. Курган, 2010. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/05/2010-05_r_dek-s1.htm
13. Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь, 2013. 530 с.
14. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX веков (очерки по истории народных верований). М.: Академия наук СССР, 1957. 236 с.
15. Шалагин А.В. Топонимы Чесменского района. URL: <http://chesmatur.ru/топонимы-чесменского-района/>

¹⁵ Личный архив автора (материалы фольклорно-этнографических экспедиций).

Festive and ritual traditions of the Mordvins in the context of the regional culture of the Southern Ural

Natal'ya A. Safonova

PhD in Cultural Studies, Docent,
Associate Professor at the Department of ethnocultural education,
Chelyabinsk State Institute of Culture,
454091, 36-a, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: natulya_natalka@mail.ru

Abstract

The article is devoted to some aspects of the research on the complex phenomenon of festive and ritual traditions of the Mordvins, considered in the context of the regional culture of the Southern Ural. Under modern conditions, festive and ritual traditions become a link between the historical past and the realities of modern life and contribute to the preservation of ethnocultural identity. The author of the article pays special attention to the fact that the specific features of the regional culture of the Southern Ural was formed under the influence of traditions of different peoples. The article points out that regional and local features of the existence of the festive and ritual traditions of the Southern Ural are derived from the historically developed all-Russian festive and ritual structure, which acts as a cultural universal. Having carried out an analysis of materials obtained during folklore and ethnographic expeditions and scientific literature, the author concludes that various forms of worship, deification of the elements of nature and worship of the spirits of ancestors can be traced in the rites of the annual calendar and household cycles of the Mordvins, where Church knowledge and pagan ideas are closely intertwined, whose echoes have survived to the present day.

For citation

Safonova N.A. (2019) Prazdnichno-obryadovye traditsii mordvy v kontekste regional'noi kul'tury Yuzhnogo Urala [Festive and ritual traditions of the Mordvins in the context of the regional culture of the Southern Ural]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (5A), pp. 133-142. DOI 10.34670/AR.2019.45.5.018

Keywords

Festive and ritual traditions, regional culture, Southern Ural, tradition, rite, Mordvins, cult.

References

1. Agapkina T.A. (2002) *Mifoepicheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letnii tsikl* [Mythoepic foundations of the Slavic folk calendar. The spring-summer cycle]. Moscow: Indrik Publ.
2. Antonov Yu.G. (2010) Svadebnyi i pokhoronno-pominal'nyi obryady mordvy kak istoki natsional'noi dramaturgii [Wedding and funeral rites of the Mordvins as the origins of national drama]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svadebnyy-i-pokhoronno-pominalnyy-obryady-mordvy-kak-istoki-natsionalnoy-dramaturgii> [Accessed 15/09/19].
3. Boyarkina L.B. (2011) *Mordovskaya muzykal'naya entsiklopediya* [Mordvinian musical encyclopaedia]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.

4. Chernykh A.V., Goleva T.G., Shchukina R.I. (2013) *Mariitsy Permskogo kraya: ocherki istorii i etnografii* [The Mari of the Perm territory: an outline of the history and ethnography]. Perm.
5. Chicherov V.I. (1957) *Zimnii period russkogo zemledel'cheskogo kalendar'ya XVI-XIX vekov (ocherki po istorii narodnykh verovaniy)* [The winter period of the Russian agricultural calendar of the 16th -19th centuries (an outline of the history of folk beliefs)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
6. Devyatkina T.P. (2006) *Mifologiya mordvy* [The mythology of the Mordvins]. Saransk.
7. Fominykh O.B. (2010) Regional'naya i provintsial'naya kul'tura: nekotorye kharakteristiki [Regional and provincial culture: some characteristics]. In: *Vremya kul'tury v regional'nom prostranstve* [The time of culture in the regional space]. Kurgan. Available at: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/05/2010-05_r_dek-s1.htm [Accessed 15/09/19].
8. Kazakova G.M. (2008) *Osnovy regional'noi kul'tury* [The foundations of regional culture]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.
9. Kornishina G.A. (2004) Traditsionno-obryadovaya kul'tura mordvy [Traditional ritual culture of the Mordvins]. In: *Mordva: ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda* [The Mordvins: an outline of the history, ethnography and culture of the Mordvinian people]. Saransk, pp. 388-445.
10. Mokshin N.F. (1998) *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of the Mordvins]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
11. Murzina I.Ya. (2003) *Fenomen regional'noi kul'tury: bytie i samosoznanie. Doct. Diss. Abstract* [The phenomenon of regional culture: being and self-consciousness. Doct. Diss. Abstract]. Ekaterinburg. Available at: <http://diss.seluk.ru/av-kulturologiya/5106-1-fenomen-regionalnoy-kulturi-bitie-samosoznanie.php> [Accessed 15/09/19].
12. Nikonova L.I. et al. (2012) *Mordva Urala i Zaural'ya* [The Mordvins of the Urals and Trans-Urals]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
13. Rybakov B.A. (1997) *Yazychestvo drevnikh slavyan* [The paganism of the ancient Slavs]. Moscow: Russkoe slovo Publ.
14. Shalagin A.V. *Toponimy Chesmenskogo raiona* [The toponyms of the Chesmensky district]. Available at: <http://chesmatur.ru/топонимы-чесменского-района/> [Accessed 15/09/19].
15. Sokolova V.K. (1979) *Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukrainsev i belorusov, XIX – nachalo XX v.* [Spring-summer calendar rites of the Russians, Ukrainians and Belarusians, the 19th and the early 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ.